
ДРЕВНЕЙШАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. КОММЕНТАРИИ

Васильева И. Н.*

Одним из источников исследования, предпринятого авторами статьи, послужили данные о неолитической гончарной технологии. Успешный результат такого исследования, прежде всего, зависит от выбранной методики. В современной российской археологии существуют два известных и широко применяемых, но методологически и методически разных подхода к изучению древнего гончарства: 1) формально-классификационный, для которого характерно широкое привлечение методов естественных наук; и 2) историко-культурный, основанный на методике А. А. Бобринского (Бобринский 1978, 1999; Цетлин 2012) с применением бинокулярной микроскопии, трасологии, физического моделирования. В последние два десятилетия активно проводились работы в рамках обоих направлений.

Методика, выбранная авторами статьи, не совсем понятна. По сути своей она относится к формально-классификационному — в статье четко обозначена цель: «при реконструкции технологии изготовления глиняной посуды целесообразно оперировать максимально большим количеством признаков». Однако процедура извлечения информации о технологии изготовления керамики не охарактеризована.

Основанием для отказа от методики А. А. Бобринского, по словам авторов статьи, явилось то, что он «предложил понятие “программ конструирования сосудов”, которые, правда, не всегда оказываются достаточно гибкими при анализе столь фрагментированного источника, как археологическая керамика, когда до нас может прийти лишь небольшой фрагмент сосуда, по которому мы должны восстановить древнюю технологию». Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в работе этого автора присутствует понятие «программы конструирования начинов» сосудов (донная, донно-емкостная, емкостная, емкостно-донная). Для изучения керамики им предложена *структура гончарной технологии*, состоящая из последовательных этапов деятельности по изготовлению сосуда (собственно, те же «цепочки технологических операций»):

- Ступень 1 — отбор исходного сырья.
- Ступень 2 — добыча исходного сырья.
- Ступень 3 — обработка исходного сырья.
- Ступень 4 — составление формовочной массы.
- Ступень 5 — конструирование начина сосуда.
- Ступень 6 — конструирование его полого тела.
- Ступень 7 — придание сосуду формы.
- Ступень 8 — механическая обработка поверхностей.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ: 13–11–63005а (р).

Ступень 9 — придание прочности сосуду.

Ступень 10 — устранение влагонепроницаемости его стенок.

Безусловно, каждый исследователь обладает правом выбора методики, которую он считает наиболее подходящей для своей работы. Однако при этом необходимо последовательно придерживаться существующих в ней понятий и терминов. Если же вводится новое понятие, то необходимо его охарактеризовать. Когда исследование проводится по методике А. А. Бобринского, достаточно сослаться на работы его или учеников, для которых характерна терминологическая унификация, основанная преимущественно на этнографической лексике. Авторы рецензируемой статьи используют какую-то фантастическую терминологию и при этом, как правило, не дают ссылок. Приведем несколько примеров.

В работе постоянно упоминается термин «ленточный способ лепки», «ленточный спиральный способ». Что это такое? В гончарстве объективно существуют три способа наращивания строительных элементов: кольцевой, спиральный, бессистемный или комковатый (для лоскутного налепа). Строительные элементы — это ленты, жгуты, лоскуты (оторванные фрагменты от жгута) и комки. Жгуты можно навивать по кольцу и спирали, ленты — в основном только по кольцу. Возможно, авторы и имеют в виду кольцевой налест из лент? Более того, ими предполагается и изготовление днищ сосудов лентами: «можно предположить, что днища этих сосудов изготовлены в ленточной и лоскутной техниках. При ленточной технике лента укладывалась по кругу, при лоскутной лоскуты укладывались друг на друга»; «округлые днища изготавливались из ленты, укладывавшейся по спирали с нажатием». По-видимому, автор этих строк никогда не пробовал осуществить такое на практике... Главное же, на основании каких технологических следов делается такой невероятный вывод?

Что же собой представляет в их понимании «лента»? Неоднократно указывается высота «лент» — 0,7 см, 1,2 см, 2 см; приводится и описание формы: «в профиле стенок фиксируется диагональное направление течения глины и немного наклонные трещины, маркирующие изначально округлые в профиле ленты, которые по мере конструирования сосуда были прикреплены друг к другу, но не подвергались растягиванию» и т. д.

В современной российской археологической литературе общеприняты следующие термины: «жгуты» — продолговатые, круглые в разрезе комки глины, имеющие форму удлинённых «колбасок» или «сосулук»; «ленты» — расплюснутые путем выбивания (кулаком или колотушкой) на плоскости жгуты, вследствие чего они имеют подпрямоугольную форму в разрезе. Признаки тех и других строительных элементов в изломах сосудов подробно описаны в работе А. А. Бобринского (Бобринский 1978: 174). В восточноевропейском этнографическом гончарстве известны ленты шириной не менее 3 см. Может быть, авторы статьи наблюдали в керамике именно жгуты? В то же время упоминается «ленточно-лоскутный способ лепки, внахлест, высота лент — до 3,5 см». Ни сам способ, ни признаки его, по которым он был определен, в статье не охарактеризованы. Основываясь на своем опыте изучения неолитической гончарной технологии, полагаю, что речь идет о довольно распространенном приеме изготовления неолитических сосудов — зональном лоскутном налесте, при котором сосуд делался зонами в виде колец шириной 3–4 см, из лоскутов. Об

использовании лоскутного налепа, вероятнее всего, идет речь и в другом случае: «ленты сильно растягиваются вертикально вверх и укладываются зачастую в три слоя, лента фактически становится составной». Признаки выделения приемов лоскутного наклеивания подробно охарактеризованы (Бобринский 1978; Васильева, Салугина 2010).

Таких примеров можно привести множество. Приходится только сожалеть, что автор этих заключений не потрудился приобрести базовые знания о способах конструирования сосудов, освоить методы извлечения информации о технологии по археологической керамике и какой-то определенной системы анализа технологических следов. По нашему мнению, раздел работы о способах конструирования сосудов является самым слабым. Хотя, исходя из своего опыта, можно отметить, что этот блок данных о неолитической гончарной технологии в целом менее информативен из-за фрагментированного состояния неолитической керамики. На основе микроскопического исследования около 2 тысяч фрагментов неолитических сосудов Поволжья мы предполагаем всеобщее распространение в неолитическом гончарстве лоскутного налепа. Удалось определить несколько особенностей: для елшанского гончарства — использование строительных элементов в виде лоскутов и прокладок из шкур животных при применении форм-моделей; для нижеволжского гончарства — строительных элементов в виде комков («лепешек»), которые размазывались по поверхности форм-моделей, использование прокладок из очищенных кож и каркасов, сплетенных из длинных листьев злаковых растений.

Обращает на себя внимание, что керамика различных памятников проанализирована разными методами. Например, керамика стоянки Ракушечный Яр была подвергнута петрографическому анализу, а в исследовании керамики Замостье 2 ограничились только «визуальными наблюдениями». Несмотря на утверждение авторов, что «данные визуальных наблюдений и естественно-научных анализов, как показывает практика, находятся в соответствии друг с другом», позволим себе усомниться в этом. Как показывает наша практика, два визуально очень похожих друг на друга сосуда нередко бывают сделаны из разных видов сырья или один из них содержит мелкий шамот, фиксируемый только с помощью бинокулярного микроскопа, а другой нет. Таким образом, разница есть — и принципиальная!

Только массив строго отобранных, а затем изученных с помощью единой методики керамических материалов можно считать базой источников исследования. Источниковая база данной работы осталась неизвестной. Авторы добросовестно указали количество фрагментов стенок, венчиков, днищ, содержащихся в керамических коллекциях стоянок. Однако в статье они не отразили очень важные количественные показатели: сколько сосудов было подвергнуто морфологической группировке, сколько сосудов из этих выделенных групп было изучено на предмет установления способов конструирования, сколько образцов было исследовано петрографическим анализом, а сколько — визуальным. Связанное с этим замечание касается отсутствия статистики, в частности корреляционных таблиц, демонстрирующих взаимосвязи и взаимозависимости между многочисленными признаками, стремление к которым было обозначено в начале статьи. Было бы важно установить, сколько конкретно сосудов «форм 1, 2, 3» и т. д. было изготовлено из тех или иных видов сырья, какими

способами они были сконструированы и к какому слою стоянки они относятся. Только в таком случае можно говорить о существовании древних коллективов, объединенных определенными гончарными традициями. В тексте же статьи содержатся размытые комментарии: «Для изготовления большинства сосудов использовалась в основном технологическая цепочка № 1. Технологическая цепочка № 2 встречается в большинстве случаев при изготовлении сосудов формы № 2... Также технологическая цепочка № 2 использовалась в нескольких случаях для изготовления прямостенных сосудов формы № 5 и № 4. Со слоя 13 появляется большое количество новых технологий изготовления сосудов» и т. д.

Наибольшую важность для нас представляют результаты, полученные при изучении пластичного сырья и формовочных масс. Привлечение к разработке проблем неолитического гончарства методов петрографии очень перспективно. Однако при знакомстве с выводами авторов о пластичном сырье изученной керамики опять же возникают определенные сомнения: возможно ли на шлифе — тонком срезе черепка сосуда площадью не более 1 см, зафиксировать все те особенности, которые приводятся в статье: «прибрежную растительность»; «фитозоопланктон»; по-видимому, водоросли, длина которых достигает 5 см, и т. д. Археологи, использующие данные петрографов, часто сетуют, что органика этим методом практически «не ловится». Авторы при характеристике пластичного сырья и формовочных масс упоминают «визуальные наблюдения». Хочется надеяться, что они были сделаны с помощью бинокулярного микроскопа.

В связи с этим уместно напомнить: в 90-е годы, когда проводились ежегодные методические семинары по изучению керамики в г. Тобольске, а в г. Самаре состоялась всесоюзная конференция «Керамика как исторический источник», когда делались активные попытки объединить различные методы и подходы в изучении археологической керамики, И. Г. Глушковым было дано весьма критическое определение бинокулярной микроскопии как «многократно усиленных возможностей обычного человеческого глаза» (Глушков 1996: 16). Наш ответ заключался в том, что точно такое же определение можно дать и петрографическому шлифу, только увеличенному на несколько порядков больше, поскольку расшифровка шлифа также во многом зависит от знаний и опыта петрографа (Васильева, Салугина 1999: 190). Вывод же, который был сделан тогда нами, вполне актуален и сейчас: упор в выборе методики исследования должен делаться на ее возможностях достичь целостности и системности в изучении источника, на четком соответствии задач исследования. Поставленной цели позволяют достичь не сами методы, а подход в их применении, т. е. методика. Исследователь должен определиться, какая информация наиболее важна при изучении керамики. Например, на основе исследования керамического комплекса (500 сосудов) можно установить факт содержания в 5 из них монтмориллонита как основного глинистого минерала, а в 7 — гидрослюда. Эти данные объективно точные и отражают минералогический состав черепков сосудов, но что они дают археологу? Можно сделать только вывод о двух возможных источниках сырья, и то малочисленность числа наблюдений придает этому заключению весьма вероятностный характер (как можно быть уверенным в том, что в 488 оставшихся неизученными сосудах не окажется

другого минералогического состава?). Применение бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования позволяет исследовать все сосуды коллекции и выявить факт изготовления, например, 300 сосудов из ила, а 200 (морфологически и хронологически близких первой группе) — из глины. Полученные результаты однозначно свидетельствуют о глубоком различии двух групп населения, оставившего изучаемый памятник, а также дают основания для поиска причин этого.

Уверенность авторов в том, что петрографический анализ позволяет «идентифицировать естественные и искусственные добавки» в черепке изучаемой керамики, является чрезмерной. Наш опыт совместной работы с петрографами показал, что они отнюдь не всегда могут строго аргументировать естественный и искусственный характер даже такого компонента, как песок, не говоря уже об органике. Применение естественнонаучных методов в области изучения древней гончарной технологии должно соответствовать задачам исследования, а не быть самоцелью. Важным условием привлечения «точных» методов является разработка критериев определения необходимости и достаточности числа анализов при обработке массового керамического материала, а также проведение серийных работ по апробации их на экспериментальных образцах.

При характеристике формовочных масс авторами часто упоминается качество «промеса» — хорошее или грубое, а также «комковатость теста». К сожалению, не ясно, что стоит за этими терминами. В илах часто встречаются специфичные комочки глинистого вещества (1–2 мм), а также оолитовый бурый железняк (1–3 мм). При подготовке сырья путем дробления в сухом состоянии в черепке посуды остаются округлые комочки не растворившейся глины. По-видимому, именно петрографический анализ был бы полезен в различении этих естественных включений.

Между петрографами и археологами существует определенное различие в употреблении термина шамот. Мы понимаем под этим раздробленную до порошкообразного состояния старую, вышедшую из употребления, обожженную посуду. Шамотные включения характеризуются совокупностью четких признаков (Бобринский 1978: 106). Выделяется также другой вид искусственной минеральной примеси — измельченная сухая глина (Бобринский 1978: 108). Микроскопическое исследование неолитической керамики Сурско-Мокшанского междуречья выявило специфичную примесь, которая предварительно названа раздробленной обожженной глиной. В каком смысле употребляют авторы статьи термин шамот, в большинстве случаев остается не ясным.

Между тем, появление и распространение «шамотной» традиции в Восточной Европе является пока не разработанный проблемой. Возникновение этой традиции, по нашему мнению, означало существенное изменение взглядов древнего населения на пластичное сырье. Илы являлись подготовленной самой природой формовочной массой с естественными органическими и минеральными примесями. Специально в это сырье добавлялись только органические растворы (клеящие природные жидкие вещества растительного и животного происхождения, придававшие изделиям влагонепроницаемость и прочность), которые были связаны с «холодными» приемами придания посуде прочности (Бобринский 1999: 85). В появлении «шамотной» традиции можно видеть следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье по нисходящей линии —

переход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок. На современном этапе исследования предполагается наиболее раннее появление приемов составления масс с шамотом в елшанских гончарных производствах. При этом зафиксированная концентрация шамота в большей части елшанской керамики с шамотом незначительна (не более 1:5, т. е. на 5 частей сырья — 1 часть примеси); чаще же концентрация шамота была еще меньше, шамот имел размеры не более 1–2 мм. Процент сосудов с шамотом в общем массиве керамики ранних елшанских комплексов составлял не более 5 %. Все эти факты позволяют отводить этим приемам скорее ритуальную, чем технологическую роль. К сожалению, петрографический анализ керамики стоянки Ракушечный Яр не позволяет продвинуться далее в решении вопросов, связанных с историей «шамотной» традиции в Восточной Европе. Осталось неясным, использовались действительно шамот или измельченная сухая глина, имеют эти глинистые включения естественный или искусственный характер, к какому времени относится комплекс посуды с шамотом.

Вернемся к заключениям о пластичном сырье неолитической керамики, сделанным авторами посредством петрографического анализа. В статье вводится новое понятие: «различные виды глинисто-илистого сырья». Сразу же возникает вопрос: что это такое — илы, илистые глины, глины, илы, смешанные с глиной? Ответ на этот вопрос имеет для нас принципиальное значение.

Наше исследование раннеолитических гончарных традиций Поволжья базируется на теоретических и методических разработках А. А. Бобринского. До работ этого исследователя факт изначального использования глин в качестве сырья для древнейшей керамики никем не подвергался сомнению, а проблема происхождения гончарства рассматривалась с позиций «корзинной теории». В 70-е годы XX в. А. А. Бобринский выдвинул революционную для советской археологии гипотезу о возникновении гончарства на базе опыта лепки сосудов из органических материалов животного происхождения: навоза животных, помета птиц, пресноводных моллюсков с их раковинами (Бобринский 1978, 1981, 1993). Это предположение основывалось на многочисленных археологических (неолитическая керамика Восточной Европы и Ирака), экспериментальных и этнографических данных. Согласно этой гипотезе, до появления гончарства существовал длительный догончарный период, в течение которого древнее население для изготовления емкостей использовало органические природные пластические материалы, которые были ему известны и уже применялись с различными целями в быту и хозяйстве. Изделия из этих материалов не подвергались обжигу, а только высушивались и применялись для хранения и переноски продуктов. Реликты применения различных органических материалов зафиксированы в гончарстве народов всего мира (Цетлин 1999). В частности, еще в первой половине XX в. Е. М. Пещерева наблюдала в сельском гончарном производстве Средней Азии использование чистого бараньего навоза для изготовления хумов для хранения шерсти (Пещерева 1959). В древности, по мнению А. А. Бобринского, эволюционное развитие гончарных традиций шло по пути добавления глины в органическую массу сначала в качестве примеси и увеличения доли глины в ней. Со временем глина стала не примесью, а основным сырьем, а затем моносырьем для посуды. Параллельно совершенствовалась технология обжига: от очень низких темпе-

ратур (до 450°) к низким (менее 650°), а затем к температурам каления (выше 650–700°) (Бобринский 1999).

Обратив внимание на специфику органических примесей в древней керамике, А. А. Бобринский пришел к выводу, что «все культурные традиции... отражают особенности хозяйственной деятельности, существовавшей ко времени зарождения гончарства в разных группах древнего населения» (Бобринский 1978: 70). Традиция использования птичьего помета могла сложиться у населения лесной зоны Восточной Европы, занимавшегося собирательством и рыболовством. Знания о полезных свойствах пресноводных моллюсков с их раковинами могли появиться у населения, хозяйственная деятельность которого была связана с речным промыслом. Появление традиции использования навоза животных в производстве керамики наиболее вероятно в среде населения, знакомого со скотоводческой формой хозяйства. А. А. Бобринским сделан вывод: «использование для изготовления такой посуды различных неглинистых материалов — свидетельство независимого хода развития, а возможно, и зарождения гончарства в разных культурно-хозяйственных группах древнего населения» (Бобринский 1978: 71).

Результаты исследований А. А. Бобринского работали на «полицентрическую» концепцию происхождения гончарства, на возможность независимого происхождения гончарства в разных регионах. Сведения, подтверждающие эту концепцию, широко известны. Общеизвестным является факт переселения северного населения Евразии на американский континент в эпоху мезолита, еще до появления у него гончарных традиций. Однако позднее, задолго до появления европейцев, в Америке конвергентно зародились и широко распространились навыки изготовления глиняной посуды. Если бы после формулирования А. А. Бобринским данной гипотезы было проведено массовое исследование неолитической керамики Восточной Европы, продолжена разработка методов определения концентрации неглинистых материалов, и данная гипотеза подтверждена материалами конкретных неолитических культур, то очевидно, что вся концепция о «неолитическом пакете», о «первичных» и «вторичных» очагах неолитизации, о «керамических идеях», распространяющихся почти по воздуху, подверглась бы большому сомнению. Ведь авторы рецензируемой статьи также согласны с тем, что «для большей части Восточной Европы глиняная посуда является пока единственным археологически уловимым маркером наступления неолита». И этот маркер появлялся в разных регионах России с промежутком в тысячи лет. Если бы было доказано, что и гончарство зарождалось независимо...

Однако А. А. Бобринский все свои силы и силы своей лаборатории отдал новой проблеме — разработке более точных методов анализа форм сосудов, и к теме происхождения гончарства возвращался лишь эпизодически. В начале 90-х годов автору комментария пришлось заняться изучением технологии изготовления неолитической керамики Северного Прикаспия. Вначале не удавалось идентифицировать пластичное сырье этой керамики, пока не была выдвинута гипотеза об использовании илов (Васильева 1994, 1999a). Ее формулирование и проверка осуществлялись в течение нескольких лет. В полевых и лабораторных условиях проводились работы по сбору и изучению современных илов, были привлечены ботаники, зоологи и другие представители естественных наук. Она была поддержана А. А. Бобринским (Бобринский,

Васильева 1998). Развивая свою теорию о происхождении гончарства, он ввел в состав древнейших видов пластичного сырья «глиноподобные илистые отложения» (Бобринский 1999).

Дальнейшее исследование неолитической (елшанской) и энеолитической (самарской и хвалынской) керамики требовало введения нового понятия, обозначающего другой, имевший существенные отличия от илов, вид пластичного сырья, выявленного по этим материалам — «илистые глины». А. А. Бобринский возражал против этого, считая, что таким образом размываются два полярных понятия — «илистое сырье» и «глины». Им было предложено деление илов на «равнинные» и «горные» (Бобринский, Васильева 1998). Сосуществование этих двух видов сырья в одних физико-географических условиях Поволжья, значительные различия количественного состава естественных компонентов, а также важность деления этих видов сырья для понимания эволюционного развития взглядов древнего населения Поволжья на пластичное сырье послужили нам основанием для того, чтобы придерживаться термина илистые глины (Васильева 1999б, 2011). По нашему мнению, этот вид сырья является связующим звеном в эволюционной цепочке развития сырьевой базы неолитического гончарства Поволжья: илы — илистые глины — глины. Подробная характеристика этих видов пластичного сырья опубликована (Васильева 1994, 1999а, 1999б, 2011). Замечу, что в моих работах отсутствует термин «глинистые илы», который приписали авторы статьи.

На основе распространения различных видов пластичного сырья неолитической керамики Поволжья удалось оконтурить два ареала раннеолитических гончарных традиций:

1. Ареал древнейшего гончарства, основанного на *илах*. К нему относятся комплексы плоскодонной керамики, орнаментированной в прочерченно-накольчатой технике: Нижнее Поволжье; VI–V тыс. до н. э. Присутствие в керамических материалах Северного Прикаспия реликтов догончарного периода (Бобринский 1999: 96) позволяет предполагать возможность самостоятельного зарождения гончарства в данном ареале.

2. Ареал елшанского гончарства, связанного с использованием *илистых глин* и «шамотной» традицией. Для ранних гончарных производств этого ареала характерно изготовление остродонных сосудов, без орнамента или орнаментированных ямочно-жемчужным пояском: Среднее Поволжье; VI — первая половина V тыс. до н. э. Елшанские традиции появились в Волго-Уралье, будучи уже на более высоком этапе развития, чем развивающееся одновременно нижневолжское гончарство. Вероятно, что начальные звенья эволюции елшанского гончарства находились за рамками Поволжья, предположительно в Средней Азии.

Следует отметить не изолированный характер гончарства, основанного на илах и илистых глинах. (К сожалению, в нашем распоряжении только литературные сведения, поэтому до проведения технико-технологического анализа этих материалов нельзя быть уверенными в заключениях). По наличию отдельных компонентов илистого сырья в составе керамики, описанному авторами работ, можно предполагать использование илов или илистых глин в изготовлении керамики из пещеры Джебел в Восточном Прикаспии (Августинник, Баранова 1956: 226); из пещеры Белдиби в Турции (Schmandt-Besserat 1977: 135); поселения Саби Абъяд в Сирии — в этом случае был проведен микроскопический анализ (Бобринский 1999: 26). Некоторые признаки как будто указывают

также на изготовление самой ранней керамики нижнего Приамурья из илов (Жущиховская 2004: 26). Однако только дальнейшее изучение неолитической гончарной технологии и расширение географических рамок исследования может подтвердить универсальный характер илов в качестве древнейшего сырья для изготовления керамики. К настоящему времени нами исследовано всего 11 фрагментов керамики из нижних слоев Ракушечного Яра. Все они сделаны из илов. Важно, что эти заключения подтверждены и авторами статьи, с помощью петрографического анализа.

В своем исследовании мы сознательно отказались от привлечения «максимально большого количества признаков» гончарной технологии, хотя керамические комплексы каждого неолитического памятника исследуются по всем доступным для изучения ступеням гончарной технологии, а затем вводятся в научный оборот. Однако при обобщении большого массива данных необходимо выбрать наиболее общие и значимые признаки, поэтому мы сосредоточились только на двух элементах гончарной технологии, имеющих большое значение при решении вопросов происхождения гончарства: взглядах групп неолитического населения на пластичное сырье и традициях составления формовочных масс. Гончарные производства разных групп неолитического населения Восточной Европы отличаются друг от друга по культурным и хронологическим причинам, а также по условиям природно-ландшафтных зон проживания. Поэтому и важно найти связующие их нити, которые дадут возможность разобраться в степени их близости и различий. Привлечение этих данных позволяет конкретизировать также процессы культурного смешения, которые являлись основным механизмом распространения гончарных традиций.

Здесь мы подходим к наиболее существенным различиям наших подходов к изучению проблем неолитического гончарства Восточной Европы. Авторы статьи рассматривают сосуд как набор «максимально возможного количества признаков». Для нас сосуд — «результат действия определенных навыков труда, использованных мастером для изготовления сосуда и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива» (Цетлин 2010: 35). Если авторы статьи считают, что «существование разных технологий не должно рассматриваться лишь как культурный феномен», мы рассматриваем гончарство в первую очередь как культурный феномен. Поэтому считаем, что необходимо тщательное изучение всех известных неолитических керамических комплексов, использование строгой и надежной методики относительно всего массива изучаемых сосудов, создание обширной базы источников — и только после этого обращение к вопросам о «культурных импульсах», «керамических центрах», моделях неолитизации Восточной Европы.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что исследования в данном направлении будут продолжены.

Литература

- Августиник А. Н., Баранова В. И. 1956. Технологическая характеристика черепков Джебела // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН ТуркмССР, 222–227.
- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука.

- Бобринский А. А. 1981. У истоков гончарного искусства // *Природа* 4, 118.
- Бобринский А. А. 1993. Происхождение гончарства // Пошивайло О. (ред.). *Українское гончарство*. Київ-Опішня: Українське народознавство, 39–55.
- Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 5–109.
- Бобринский А. А., Васильева И. Н. 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Васильев И. Б. (ред.). *Проблемы древней истории Северного Прикаспия*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 193–214.
- Васильева И. Н. 1994. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тезисы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Т. II. СПб.: ИИМК РАН, 111.
- Васильева И. Н. 1999а. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Выборнов А. А. (ред.). *Вопросы археологии Поволжья*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 72–96.
- Васильева И. Н. 1999б. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Моргунова Н. Л. (ред.). *Археологические памятники Оренбуржья*. Т. III. Оренбург: Изд-во Оренбургского пед. ун-та, 191–216.
- Васильева И. Н. 2011. Раннеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // *АЭАЕ* 2, 70–81.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П. 1999. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства // Бобринский А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 181–198.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П. 2010. Лоскутный налеп // Цетлин Ю. Б., Салугина Н. П., Васильева И. Н. (ред.). *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения*. М.: ИА РАН, 72–87.
- Глушков И. Г. 1999. Проблемы экспериментального гончарства // Бобринский А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 167–181.
- Глушков И. Г. 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск: СО РАН
- Жущиховская И. С. 2004. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДО РАН.
- Пещерева Е. М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.: Наука (ТИЭ 42).
- Цетлин Ю. Б. 1999. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Бобринский А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 110–141.
- Цетлин Ю. Б. 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН.
- Schmandt-Besserat D. 1977. The beginnings of the use of clay in Turkey // *Anatolian Studies* 27, 133–150.